
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек



Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ
Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998



Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

С. В. Дмитриев

Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан

*Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе.*

В оценке общественно-политической ситуации в Центральной Азии конца XII—начала XIII в. ярко выражены две точки зрения. Первая — монголы создавали свое государство на свободном политическом пространстве. При этом прослеживают эволюцию социально-политического строя монголов от родоплеменного строя до создания непосредственно государства. Вторая точка зрения — о существовании в степи этого периода нескольких совершенно суверенных владений, одним из которых был улус монголов. Наряду с такими же владениями керейтов, татар, найман монголы на равных участвовали в политической жизни степи Центральной Азии. Наиболее ярко, пожалуй, эта точка зрения отражена в книге Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства» [1].

Первая точка зрения подверглась, особенно в последнее время, справедливой критике в ряде работ, среди которых необходимо прежде всего отметить статьи и диссертацию В. В. Трепавлова [2; 3; 4; 5]. Вторая существует, видимо, как наиболее правдоподобная и, как кажется, особой критике не подвергалась. Но, как я полагаю, настало время пересмотреть и ее.

Практически все исследователи при анализе ситуации в этом регионе в XII в. пользуются одними и теми же источниками. Это «Юань чао би ши» — «Нигуча Тобчиан», или «Сокровенное сказание» монголов 1240 г.; «Джами'ат-таварих» — «Сборник летописей» Рашид-ад-дина; «Юань ши»; «Эрдэнийн Тобчи» Саган Сэцэна; «Алтан Тобчи» и некоторые другие. Из них первые два труда являются базовыми при построении той или иной концепции современных исследователей, в силу чего и оцениваются они в нескольких основных вариантах.

Так, «Юань чао би ши» анализируется в качестве «богатырской поэмы» (традиция В. В. Бартольда [6], С. А. Козина [7] и некоторые другие). Для этого течения, таким образом, характерна эпизация памятника. В таком случае, если он является эпосом, отношения героев, а также их этос, трактуются в каче-

стве отношений и этоса эпических героев. Основные черты, выделяемые в их портретах, являются образцами эпических героев.

Второй подход к «Юань чао би ши» можно охарактеризовать как подход к чисто историческому источнику. Причем часто этот подход применяется некритически, все, что в источнике говорится, принимается, за малым исключением, за истину, которая углубляется и уточняется в сравнении с другими источниками [8, 191].

Особняком стоит версия Л. Н. Гумилева, считающего «Юань чао би ши» политическим памфлетом [1].

Похожая картина и с «Джами'ат-таварих» Рашид-ад-дина — либо этот труд признают выдающимся памятником исторической мысли, напр. В. Григорьев [9, 207], А. И. Фалина [10] и др., либо — сырым, недоработанным, компилятивным трудом, автор которого заявил слишком большие претензии, но не справился с обрушившимся на него материалом в силу своей профессиональной неподготовленности [1, 240].

В целом, как мы отметили, вычлениются два подхода к анализу памятников — филологический, как можно условно его назвать, и исторический, и оба они, как это обычно бывает, достаточно односторонни, оба предполагают углубленную работу с частностями, характерными для соответствующей области знаний. На основании этих подходов фиксируются как сходства, так и различия в конкретике. В то же время общеполитический, концептуальный характер этих трудов затронут значительно меньше. А как раз он, как мне кажется, представляет несомненный интерес.

Если подойти к истории написания «Юань чао би ши» и «Джами'ат-таварих» с точки зрения политической логики и анализировать их с точки зрения политологии и политической целесообразности, учитывая при этом, что написаны они в разное время, в разных общественно-политических условиях, имели

разные цели и являлись в значительной степени программными политическими трактатами, так как каждое поколение политиков утверждает себя через историю, поданную с определенной тенденциозностью (ср.: [1, 256—257; 11, 8, 62]), то становится ясно, что необходимо вычленить основное — концепцию, объединившую по-разному один и тот же исторический материал. Сравнение этой подачи материала и является темой нашей работы. Остановимся на некоторых узловых моментах, связанных с такими основными фигурами политического процесса в центральноазиатской степи этого периода, как Темучин, будущий Чингис-хан, и Ван-хан.

Фабула сюжета, в котором фигурируют эти исторические персонажи, в беспристрастном изложении выглядит следующим образом. После смерти государя керейтского Маркуза Тоорил будущий Ван-хан убил своих братьев и братьев отца, занявших престол, почему и был изгнан своим дядей Гурханом. После этого Тоорил прибыл к Есугею, отцу Темучина; тот помог ему, выступив в поход и посадив на престол. Гурхан бежал. Затем уцелевший младший брат Тоорила — Эрке-Хара — при помощи найман изгнал Тоорила, который ушел уже к Темучину, и тот опять посадил его на престол. Фабула эта захватывает довольно длительный промежуток времени, несколько десятилетий, и в значительной степени ее придерживаются оба наши источника. В изложении ее есть варианты. Они представляют особый интерес.

Во-первых, изложение от лица автора «Юань чао би ши» ведется по отношению к Ван-хану если не с симпатией, то, по крайней мере, в бесстрастном тоне. Автор (или авторы) не позволяют себе резко негативные оценки в прямой речи — они звучат несколько приглушенно в изложении речей персонажей, как правило принадлежащих к противникам Темучина [7, § 152], в то время как Рашид-ад-дин позволяет себе личные высказывания негативного характера в авторских отступлениях. Кроме того, у него негативный материал более пространен, авторство более широко и интерпретации более резки.

Во-вторых, и это главное, акцентировка ролевых нюансов персонажей несколько отличается в той и другой версиях. Если в «Юань чао би ши» главным в рассматриваемом сюжете является Ван-хан, то в версии Рашид-ад-дина излагается жизнь и борьба Темучина — Чингис-хана, и все остальные персонажи им затмевлены и оцениваются с точки зрения их к нему отношения. Для сравнения изложим эти два варианта.

«Юань чао би ши»: во времена Есугея Ван-хан жил с ним «во взаимном мире» и побратался с ним по следующему поводу. Далее излагается основная фабула, уже приведенная выше. Нюансы, на которые следует обратить внимание:

1) подчеркнуто беспристрастное изложение основной фабулы [7, § 150—151];

2) негативные версии в речах заговорщиков [7, § 152];

3) поход против найман — бесстрастное изложение ночного ухода Ван-хана с поля боя [7, § 159—162]. Набег найман и пленение улуса Ван-хана и Сангуна, его сына. Освобождение их из плена Темучином [7, § 163].

Далее, по поводу того, что раньше Есугей, а затем Темучин спасли его улус, идет следующий пассаж Ван-хана: «Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар... кто же примет в управление весь мой улус?... Сыновей у меня нет: единственный Сангун. Сделать бы мне сына моего Темучина старшим братом Сангуна! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой!» Затем

он усыновил Темучина и заключил с ним договор о личном доверии [7, § 164].

После этого идет разговор о брачном союзе между семьей Ван-хана и семьей Темучина и отказ от него, на чем настоял Сангун. И в результате — охлаждение в отношениях, последовавшее за отказом [7, § 165]. Чжамуха, по изложению соперник Темучина, «растрawляет» Сангуна, тот организует заговор против Темучина, но санкцию от Ван-хана первоначально не получает (следует ван-ханова отрицательная характеристика Чжамухи), и только при прямом давлении со стороны Сангуна по поводу передачи власти над улусом он сдается и санкционирует убийство Темучина.

В целом Ван-хан предстает перед нами в этой версии правителем со слабым характером, не обладающим самостоятельной реальной силой. На это обращает внимание и Л. Н. Гумилев. По его словам, Ван-хан «представляется старичком, вялым, недалеким и добродушным. Соболей шубы оказалось достаточно, чтобы купить его благосклонность... На резкие упреки Джамухи в опоздании (войска Ван-хана к условленному месту в условленный день. — С. Д.) он отвечает в примирительном тоне. Так же спокойно относится он к выбору Тэмуджина ханом, радуясь за симпатичного человека. На происки Джамухи он возражал разумно и спокойно, но склонность к компромиссам заставила его поддаться влиянию окружения и вызвала его гибель. В общем, даже по мнению автора («Юань чао би ши». — С. Д.) он заслуживает не порицания, а сожаления» [1, 253—254]. Он постоянно не уверен в себе, отсюда, можно предположить, его вероломство, коварство, убийство родственников. Ему постоянно требуется поддержка со стороны сильных политических фигур. Такими являлись Есугей, а позднее — Темучин. Ставка на них оправдала себя в борьбе за власть. Но, усилившись, Темучин стал опасен для Сангуна, явно стремясь к власти не только фактической, но и юридической, легитимной. Путь к этому открыло усыновление Темучина Ван-ханом. И именно таким образом стала «прибывать» легитимность. Естественным же и единственным легитимным же конкурентом Темучину являлся Сангун.

Вот этот образ Ван-хана и связанные с ним обстоятельства дает нам автор «Юань чао би ши». Представляется, в связи с этим, что его главной при составлении труда задачей была легитимизация перехода власти к Темучину, так как с полным истреблением правящей династии место оказалось вакантным.

Совершенно другими красками нарисован образ Ван-хана у Рашид-ад-дина. Им изложены две версии ранних событий, связанных с Ван-ханом. В первой [13, 108—110] излагается сухая, известная уже нам фабула. Во второй же [12, 128—135] события изложены более подробно.

По второй версии, Курджакуз, отец Тоорила, старался разделить юрты своих родственников и потомков, так как личные антипатии у них были таковы, что составляли угрозу существованию керейтского улуса. После смерти Курджакуза разгорелась междоусобица. По-видимому, Тоорил не был первым претендентом на трон, но именно он в силу своего коварства, или определенной политической гибкости, или же в результате более действенной поддержки в конечном счете одержал верх. Так, сначала он соединился с Тай-Тимуром и Юла-Маргусом (своими братьями) и прогнал брата же Эрджидая. Затем напал на первых двух. Те ушли к меркитам, но были выданы его главой — Токтаем — Тоорилу, который обоих убил. После этих убийств выступил Гурхан и прогнал Тоорила. Тот ушел к Есугею. Далее

следует такой пассаж: Хутула-каан сказал Есугею: «Дружба с ним (т. е. с Тоорилом. — С. Д.) недоброе дело, поскольку мы его хорошо узнали. Лучше стать андою (побратимом. — С. Д.) с Гурханом, так как у него мягкий и хороший характер, а этот человек убил своих братьев и кровью их запятнал знамя чести...» Есугей не согласился с Хутулой и поддержал Тоорила. При его помощи тот стал ханом. Но Эрке-Кара при помощи найман прогнал Тоорила, а Есугей опять посадил того на трон. Пришел Гурхан, опять прогнал, а уже Темучин окончательно посадил Тоорила на место.

Передача определенных подробностей всегда имеет целью подчеркивание определенной изначальной позиции. Подбор их ведется в том числе и для того, чтобы создать определенный эмоционально-оценочный фон по отношению к той или другой личности. У Рашид-ад-дина фон по отношению к личности Ван-хана резко отрицательный, оценки его нелицеприятны. В дальнейшем изложении это проступает совершенно явно. Так, если Ван-хан и его ближние (кроме Сангуна) в «Юань чао би ши» нейтральны, он как бы отстраняется от борьбы с Темучином, «плывет по течению». Автор как бы дистанцирует его от всех перипетий закулисной борьбы. Это же касается и оценки ухода войска Ван-хана ночью перед сражением войска коалиции с найманами. В то же время у Рашид-ад-дина [13, 112—114] этому ночному уходу Ван-хана уделено гораздо больше места. В его действиях он усматривает хитрость и коварство; таковые же он видит и в действиях Ван-хана на курултае в 1200 г., где, по версии Рашид-ад-дина, было задумано убийство Темучина, и только подзорительность Асу-нойона предотвратила его [3, 116]. В «Юань чао би ши» об этом эпизоде не упоминается вообще.

Сравнение источников можно продолжить, но и из сказанного ясно, что Рашид-ад-дин сосредоточил свое внимание на выявлении негативных личностных характеристик Ван-хана. По-видимому, последний действительно был достаточно сложной личностью; но главное, вероятно, не в этом, а в том, что Рашид-ад-дин и автор «Юань чао би ши» излагали прежде всего разные концепции событий. Отсюда и разный подбор и разная компоновка материала.

Концепция Рашид-ад-дина о возвышении Темучина в тезисном виде подана им так [13, 65—66].

«Несмотря на бедственное положение и избыток трудностей, бед и всевозможных несчастий, он был чрезвычайно отважным и мужественным человеком, весьма умным и даровитым, рассудительным и знающим.

Благодаря его щедрости и торватости слава и молва о нем распространились по окрестностям, и в сердцах людей зародилась любовь к нему. Племена склонялись и выказывали влечение к нему, так что он окреп и стал могущественным и сделал своих друзей победителями и победоносными, а недругов унизил и покорил. Из-за того, что его родичи, двоюродные братья и старшее поколение, завидовали ему, а в особенности племена тайджут, которые были его соседями и юрты их близки друг другу и принятие мер против которых было важнее, чем против тех, которые были ему чужими и жившими на более отдаленном расстоянии, — то он прежде всего напал на них и перенес всякие трудности до того момента, пока не уничтожил большую часть тех племен, а оставшиеся ввел в ряд своих рабов, как об этом будет подробно изложено ниже.

Затем он покорил и подчинил себе некоторых из родичей и монгольских племен, которые были к нему в более близком отношении. После этого одно из

родственных ему племен стакнулось с Он-ханом, государем керейтов, между которыми и Чингис-ханом некогда была старая дружба и отношения отца к сыну, — и задумали совместно на него напасть... Необходимо было принять против этого меры. Они сражались несколько раз, пока в конце концов Чингисхан не одержал верх и их всех не уничтожил...»

Таким образом, Рашид-ад-дин декларирует естественный политический рост Темучина как сильной личности в степи. Он один из достаточно многих в это смутное время, такой же как Ван-хан, найманский Таян, то есть на одном с ними статусном уровне. Как равный он заключает с Ван-ханом договоры. Уничтожив равных соперников, он становится каганом, образовав свой улус.

Концепция автора «Юань чао би ши», как мне представляется, совсем другая, и она чрезвычайно интересна, так как объясняет шепетильность оценок личности и действий Ван-хана.

Если избавиться от обычного корректировочного контекста со стороны труда Рашид-ад-дина, представляется, что во главе государства стоит керейтская династия. Только член этого рода может претендовать на трон. Все другие от этого права отстранены. Поэтому реальный путь к власти персонажа, не входящего в правящий род, — поддержка того или другого претендента, имеющего легитимную потенцию, и таким же образом приближение к власти. Этот выбор и зафиксирован в эпизоде, когда Есугей поддержал Ван-хана, тогда как другие склонялись к Гурхану.

Будучи политически слабым правителем, державшимся у власти только благодаря поддержке Есугея, Ван-хан подвергался многочисленным покушениям. неоднократно изгонялся и возвращался вновь к власти отцом Темучина — Есугеем, а позже самим Темучином. Таким образом, те правила посредством своего ставленника — Ван-хана. Такое правление керейтской династии могло бы продолжаться неопределенно долго, если бы она не была уничтожена не в последнюю очередь в результате междоусобной борьбы. Последним претендентом (по рождению) был сын Ван-хана Сангун.

Темучин, усилившись, пытался через усыновление Ван-ханом войти в династию, что, однако, не случилось, так как расстравленный Чжамухой Сангун развязал борьбу за власть, в которой потерпел поражение и погиб. На нем династия пресеклась. И только после его смерти Темучин был коронован и получил титул Чингис-хан, и таким образом им была основана новая династия. Но для придания видимости легитимности был проведен ряд манипуляций. Обычно в таких случаях выдвигается то или иное родство с предыдущей династией. Этим же путем первоначально пошел и Темучин. Но кроме того, что он был усыновлен Ван-ханом, он был, якобы, по «Юань чао би ши», отчески санкционирован им же на ханство в монгольском улусе. Между тем провозглашение своего хана всегда является сепаратистской тенденцией. В этом случае либо Темучин уже был достаточно силен, чтобы не обращать внимания на мнение Ван-хана, либо, что более правдоподобно, это место сфальсифицировано с той целью, чтобы в уста самого Ван-хана вложить одобрение действий Темучина в этом направлении. Как представляется, именно этому плановому переходу власти от одной династии к другой и подчинена основная цель создателя «Юань чао би ши». Отсюда ясны неоднократные обвинения Чингис-хана в узурпации власти. Если бы право на власть опиралось только на право выбора на курултае наиболее сильного или устраивавшего всех или большинство лидера, не входящего

в династию, такого обвинения просто не могло бы быть. Но оно есть, зафиксировано в памятниках, и с ним надо считаться при оценке этих событий.

Позже, в связи с успехами внешней и внутренней политики Чингис-хана и его потомков, династия приобрела реальную легитимность, и вопрос об узурпации власти ушел сам собой.

Прежде чем подводить итоги, по моему мнению, необходимо отметить, что (несмотря на то, что оба источника в основе своей прежде всего концептуальны в сфере легитимизации власти дома Чингис-хана, а вследствие этого тенденциозны по отношению к конкретным историческим личностям, оцениваемым ими в контексте политической необходимости), «Юань чао би ши» выглядит более приближенным к истинному порядку вещей вследствие своей, в первую очередь, временной приближенности к описываемым событиям. Многие участники их еще были живы. Поэтому, если принять это в качестве критерия, отдельные реплики в исторических трудах (написанных на периферии монгольской империи на основании рассказов самих монголов, находящихся там, в завоеванных областях, об истории событий в Центральной Азии, которые предшествовали началу создания собственно империи) подтверждают именно версию «Юань чао би ши», но никак не версию «Джами'ат-таварих» Рашид-ад-дина, ориентированную больше на политическую культуру мусульман. В трудах армянских, грузинских, русских и других авторов XIII, XIV вв. и более позднего времени Темучин обычно выступает в качестве «генерала», военачальника Ван-хана, взбунтовавшегося против своего государя и занявшего его престол [14; 15; 16].

У Рашид-ад-дина же стояла другая задача, а именно — легитимизация хулагидской династии чингисханидов путем инкорпорации ее в политическую структуру Передней Азии. По словам А. И. Фалиной, «вся политика (Рашид-ад-дина как везира. — С. Д.)... была направлена на то, чтобы примирить интересы завоевателей и интересы местной оседлой знати, обуздать произвол кочевых монгольских ханов, сблизить монгольских государей с местной феодальной верхушкой, в какой-то мере восстановить экономическое положение страны» [10, 7]. Именно в этих нелегких условиях встал вопрос о легитимизации власти династии, в котором первостепенное место занимает обычно вопрос о происхождении самой династии, ее первоначальная санкционированность. Именно этому и посвящен в основном труд Рашид-ад-дина. И именно поэтому у Рашид-ад-дина акцент делается на древность династии, продолжателем которой выступает Темучин, и потому он по концепции не может быть «генералом» у Ван-хана, но должен быть суверенным потомственным легитимным владельцем, равным по роду и статусу Ван-хану и др. Эта концепция не вписывается в историю событий, да и религиозно-политическая конъюнктура при дворе после смерти покровителя Рашид-ад-дина Газан-хана, при Олджайту, изменяется. (Олджайту принял шиизм.) В результате концепция «Джами'ат-таварих» менялась по ходу действия, в нем появились вставки, вступившие с ней в противоречие. Все это имело результатом то, что труд, имея объективно большую историографическую ценность, не имел позитивного политического выхода и поэтому традиция, которая в нем закладывалась, не имела политологического продолжения в дальнейшей мусульманской науке.

С другой стороны, материалы, приведенные и в «Джами'ат-таварих», и в «Юань чао би ши», объективно способствуют определенному пониманию дей-

ствительных процессов, происходивших в конце XII—начале XIII в. в Центральной Азии. Одновременно подтверждается тезис о том, что нет до конца объективного исторического труда; в противном случае, при стремлении к максимальному объективизму, этот труд превращается в простое перечисление фактов, ничем не оживленных в эмоциональном отношении.

Таким образом, как это обычно и бывает, мы должны говорить о концептуальных версиях, которые выстраивают авторы, отягощенные политической конъюнктурой, и которые разрушаются, если эта конъюнктура изменяется, что и случилось с версией Рашид-ад-дина, не имевшей продолжения, тогда как версия «Юань чао би ши» стала отправной точкой для последующего легитимизирования династий, удержавшихся у власти несколько сотен лет. Все это говорит о том, что на момент прихода к власти Чингис-хана в центральноазиатской степи существовало понимание былого и настоящего политического единства и в рамках этого единства — легитимности перехода политической власти. Прежде всего обращает на себя внимание тот момент, что внутри керейтской династии идет постоянная борьба за место, владея которым, претендент становится государем. То Тоорила прогоняют с этого места, то его сажают туда вновь и вновь. Все это напоминает борьбу за обладание Константинополем или Киевом в соответствующие периоды. Таким образом, существует понятие центра, сидя (кочуя) в котором, лидер является государем. Вытесненный же оттуда, он борется за возврат туда и, соответственно, за реально маркированную власть.

Для понимания этой реальной политической структуры необходимо обратиться к понятию «универсальное государство», которое выработал и предложил А. Дж. Тойнби. «Знаком внешнего мира, дающим первое ощущение высшего духовного единства, является объединение человеческого общества в универсальное государство в ходе междоусобной войны» [17, 407].

Универсальное государство можно сравнить с пульсаром — то в его естественных рамках образуется огромная империя, выходящая часто и за рамки естественного распространения этой его модели, то оно распадается, образуя более мелкие (бесконечно мелкие) политически суверенные владения, освященные легитимной властью, но объединенные именно духовным единством. Западная Европа, Ближний Восток, Индия, Китай... — в этот же список у Тойнби попадает и Монгольское универсальное государство [17, 557]. Период распада сменяется периодом единения и т. д. В памяти поколений это духовное единство продолжает жить.

При обосновании политических потенций создаются фальшивые генеалогии, возводящие лидера-претендента к исторической или мифологической династии, существовавшей на этой территории в прошлом. Либо же обосновывается плавный переход к новой династии, которую часто санкционирует династия пресеченная.

Именно этот ступок исторических и политических коллизий побуждает рождение таких трудов, как «Джами'ат-таварих», «Юань чао би ши» и им подобные. Без осознания этого невозможно понять их концептуальные послы, ориентированные на конкретную политическую ситуацию и региональную традицию; нельзя понять адекватно (или попытаться понять) реальные политические персонажи, действующие в истории, оценки которых в исторических трудах отягощены политической конъюнктурой в рамках политической игры в том числе.

Литература

1. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970.
2. *Трепавлов В. В.* Проблема социально-политической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй. Свердловск, 1986.
3. *Трепавлов В. В.* Исторические знания и государственные традиции // Исторические знания и современность. Свердловск, 1987.
4. *Трепавлов В. В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе монгольской империи XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987а.
5. *Трепавлов В. В.* Государственный строй монгольской империи XIII в. М.: Наука, 1993.
6. *Бартальд В. В.* Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968.
7. *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Наука, 1941.
8. *Бартальд В. В.* Культура мусульманства // Сочинения. Т. 6. М.: Наука, 1966.
9. *Григорьев В.* [Рец. на:] // Collection orientale... Histoire des Mongols de la Perse, par Raschid ed-Din, traduite etc. par M. Quatremère. Tome premier. Paris, 1836. Московитянин. М., 1841. Ч. 4. № 7.
10. *Фалина А. И.* Рашид-ад-Дин и его переписка // Памятники письменности Востока. XVII. М.: Наука, 1971.
11. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
12. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, ч. 1. М.; Л., 1952.
13. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, ч. 2. М.; Л., 1952.
14. О татарах и Чингис-хане: Пер. с груз. // Московский телеграф. Кн. 24. М., 1828.
15. *Цулая Г. В.* Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // Советская этнография. 1973. № 5.
16. *Мункуев Н. Ц.* Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.
17. *Тойнби А. Дж.* Постигжение истории. М.: Прогресс, 1991.